

Т. Огане

СОЦИОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ *

Огане Такеши (Takeshi Ohgane) — профессор социологии Университета Иваки Мейсей (Япония).

* Статья «Sociology at the Turn of the Century: The Case of Georg Simmel» написана по заказу редакции «Социологического журнала» на основе двух работ: 1) доклада на японском языке, опубликованного в № 9 «Исследований по истории социологии» Японской ассоциации по истории социологии и 2) доклада на английском языке, представленного в 1988 г. на заседании Исследовательского комитета по истории социологии Международной социологической ассоциации в Мадриде.

Основные задачи социологии Зиммеля

В истории социологии «поколение на рубеже веков»¹ было самым продуктивным. Для последующих поколений концепции этого периода все еще служат точкой отсчета при выборе тем и разработке методов. В это время главными считались две тесно взаимосвязанные задачи. Мы лучше поймем их, если рассмотрим по отдельности.

Первая задача состояла в том, чтобы строить науку на прочном фундаменте, преодолеть «кризис социологии» [3]. Энциклопедические системы Конта и Спенсера наводили на мысль, что социология не может быть «одной из» в ряду других социальных наук. Вторая задача, заключалась в том, чтобы выяснить возможность существования общества или индивида в обществе, поскольку именно тогда небывалого уровня достигло «изменение социальных и экономических структур» [4, pp. 361—376]. Что касается Зиммеля, то он, по-моему, разделял представление о двух главных задачах вместе с другими социологами своего поколения, такими, как Дюркгейм и Теннис. Правда, часто полагают, что формальная социология Зиммеля далека от исторической реальности. Однако это не так.

Говоря о первой задаче, обратимся к небольшой статье «Проблема социологии» (1894). В ней Зиммель утверждает, что социология, как и любая социальная наука, может существовать независимо от других наук, если будет проводить различие между формой и содержанием социальной реальности и рассматривать в качестве своего предмета только форму [5]. В тот период он еще не называет

¹ См. [1, p. 305]. В истории идей рубеж веков был особым временем. С. Хьюз говорит об этом так: «В это (т. е. в 90-е годы прошлого века — Т. О.) и последующее десятилетие основные предпосылки социальной мысли XVIII—XIX вв. были подвергнуты критическому пересмотру, что привело к появлению новых предпосылок, характерных для нашего времени» [2, p. 33]. В сфере социологии такому критическому пересмотру были подвергнуты, конечно, системы Конта и Спенсера.

такую социологию «формальной», но, видимо, уже сознает, что будет строить, по существу, «формальную социологию». Именно тогда он предпринимает ряд исследований, чтобы показать возможность существования формальной социологии как независимой дисциплины.

К решению второй задачи, которую поставила перед социологами рубежа веков новая социальная реальность, Зиммель вплотную обратился в работе «Заметки по социально-этическим проблемам» [6]. А в книге «О социальной дифференциации» он сформулировал ее следующим образом: «В противоположность движению группы как целого, сначала представлявшемуся самым непосредственным объектом социологического мышления, ниже следующие рассуждения, по существу, очерчивают положение и судьбу индивида, уготованные ему тем взаимодействием с другими, которое и включает его вместе с ними в социальное целое» [7, S. 138]. За эту главную задачу — рассмотреть положение и судьбу индивида по отношению к социальному целому, а не движение группы как целого — Зиммель принял в первую очередь. Можно сказать, что отправной точкой его социологии являлось, по преимуществу, рассмотрение индивида, а не группы. Это характерно для Зиммеля: вопрос об отношениях индивида и общества он пытался решать, принимая за исходный пункт именно индивида.

Итак, мы видим, что и Зиммель обращается к тем же двум главным задачам, которые стояли перед социологами рубежа веков. Его социология должна рассматриваться в тесной связи с той эпохой, она продукт своего времени. Распространенное мнение, что формальная социология Зиммеля далека от исторической реальности, не соответствует действительности. Поэтому следует охарактеризовать важнейшие черты той эпохи, ее направленность.

Основания социологического мышления Зиммеля

Социологам поколения, к которому принадлежал Зиммель, приходилось иметь дело с новой реальностью. На их идейное формирование оказала влияние новая тенденция, ставшая заметной в Европе 70-х годов XIX в. Сначала она актуализировалась в философских дискуссиях, а к тому времени, когда они стали играть активную роль в науке, т. е. ближе к рубежу веков, эта тенденция распространилась из области философии на область психологии, логики и т. д., из Европы шагнула в Америку, где ее развитие привело к появлению прагматизма. Таким образом, она стала чуть ли не всемирной. Этой тенденцией был функционализм. Но не тот «социологический функционализм», который мы находим в концепциях Т. Парсона или Р. Мертона, а функционализм в том смысле, какой вкладывает в это понятие Хорас Коллен. Коллен пишет о функционализме: «Он являет собой итог и выражение самого общего следствия (среди многих других) того влияния, какое дарвинизм оказал на науки о человеке и природе. Нужно было переместить понятие научного мышления во временную перспективу, акцентировать отношения и действия в противоположность целевым основаниям (terms) и субстанциям, генезис и развитие в противоположность глубинным внутренним характеристикам, трансформацию в противоположность

непрерывному существованию формы, динамический образец в противоположность статической организации, процессы конфликта и интеграции в противоположность формальному сложению из неизменных элементов. Короче говоря, происходило смещение от "структуры" к "функции" как главному средству научного объяснения и интерпретации» [8, p. 523].

По всей видимости, среди социологов своего поколения именно Зиммель ближе всего стоял к такому функционализму². Действительно, социологическое мышление Зиммеля отличается тем, что любую вещь он рассматривает не саму по себе, а соотносит ее с другими вещами, разлагает на элементы и исследует с точки зрения взаимодействия этих элементов. О связи своих идей с основным умонастроением эпохи неоднократно говорил и сам Зиммель. Так, например, в своей первой социологической книге «О социальной дифференциации» он утверждает: «Разложение души общества на сумму взаимодействий его членов вполне соответствует общей направленности современной духовной жизни вообще, т. е. разложению прочного, самого себе равного, субстанциального на функцию, силу, движение, и распознанию в любом бытии исторического процесса его становления» [7, S. 130].

Среди социологов, имевших дело с той же самой реальностью, никто не был более верен духу времени, чем Зиммель. Он был живым воплощением эпохи, а его философское и социологическое мышление было функционалистским. Почему же именно тенденция к функционализму³ стала господствующей? Коллен пишет об этом так: «Распространение машинного производства с его безличными автоматическими двигателями, постоянно находящимися в действии; огромное ускорение темпа жизни организацией промышленности; "эффективность", "работа", "прогресс" и т.п. как новые мерки общественной ценности человека, — все это вело к тому, чтобы "функциональная точка зрения" оказалась и причиной, и выражением характера эпохи» [8, p. 524].

Иначе говоря, Коллен приписывает распространение функционализма феномену индустриализации (Зиммель рассматривает эту проблему в «Философии денег»)⁴. Но мы должны обратить особое внимание еще на один феномен, с которым тесно связано формирование философских и социологических воззрений Зиммеля: феномен урбанизации. Действительно, промышленность была, по словам Вернера Зомбарта, «основателем городов»⁵. Например, в Германии в 1871 г. было только 8 больших городов, насчитывавших свыше 100 тыс. жителей. Но с прогрессом индустриализации количество их росло и достигло в 1910 г. 48. В результате почти две трети населения Германии накануне первой мировой войны проживало в городах. Причиной роста городского

² Этот функционализм Мазамичи Шинмей назвал «базисным», чтобы отличить его от социологического. См. об этом [9, p. 14].

³ Функционализм в этом смысле можно рассматривать как современное развитие «понятия о текучести», проходящего через всю историю европейской мысли, начиная с греческой философии. См. по поводу этого понятия [10, p. 5—14].

⁴ О влиянии на людей прогресса индустриализации в начале XIX в. Р. Арон говорит: «Тем новым, что поразило всех наблюдателей в начале XIX века, что стало основой всех теорий, была именно промышленность» [1, p. 87—88].

⁵ Это выражение Зомбарта я использую здесь метафорически. См. [11, S. 7—8]. См. также [12, S. 58].

населения был, по преимуществу, приток людей в города. В этой внутренней миграции примечателен тот факт, что более 2-х млн. человек, чтобы заработать себе на хлеб, переместились из восточной части Германии в Рур, центр Германии и Берлин. Считается, что внутренняя миграция была мощным фактором, превратившим Берлин, где жил тогда Зиммель, в «Большой Берлин» [13, S. 51; 4, pp. 362—363; 14, pp. 115—119].

В результате для основной части немецкого народа городская среда стала местом повседневной жизни. Она давала больше возможностей вступать в мимолетные и анонимные, нежели в прочные и надежные социальные отношения, т. е. в такие социальные отношения, форму которым придавали деньги как посредник. Деньги и были самой функцией, оторванной от средства обмена как субстанции, вроде соли, скота, табака и хлеба; деньги как таковые были, по словам Зиммеля, «неостановимым колесом, делающим машину жизни *perpetuum mobile*» [15, S. 191]. И к тому же, как индустриализация, так и вызванный ею приток людей в города привели к росту рабочего класса, к появлению так называемого нового среднего класса и разрушению старого среднего класса, создали гибкую классовую структуру и структуру социальной стратификации. Но одновременно они создали и механизм приспособления — изменчивые интересы, основанные на соответствующем многообразии потребностей всех классов общества. Таким образом, можно сказать, что городская среда в значительной степени заставляла людей усваивать такой образ мыслей, при котором о вещах говорилось в терминах функции и движения.

Как же ощущали люди тогда городскую среду? Сын Зиммеля, Ханс, пишет в своих воспоминаниях: «Мой отец не просто вырос в Берлине, не просто всегда (за вычетом многочисленных путешествий) жил там. Он ощущал тесную связь своей судьбы с судьбой города. Не раз я слышал от него что-то подобное этому: "Превращение Берлина из крупного в очень большой город в конце прошлого — начале нынешнего века совпадает с периодом моего собственного, самого сильного и широкого развития". И вот еще: "Может быть, я достиг бы чего-то значительного и в другом городе; но то, что я сделал здесь за последние десятилетия, без сомнения, самым тесным образом связано с берлинской средой"» [16, S. 323]⁶.

Таким образом, роль среды большого города в формировании социологического воображения Зиммеля столь же несомненна, как и ее значение для распространившейся тенденции к функционализму. Мы видим, что социальная теория Зиммеля брала начало не в теории гражданского общества, рассматривающей общество по аналогии с городом (*Stadt*), но и теории массового общества, в которой проводится аналогия общества с большим городом (*Grossstadt*)⁷.

⁶ Тесная связь идей Зиммеля с «берлинской средой» была отмечена и одним из его коллег. Фердинанд Теннис, человек провинциального склада, иронически замечает в письме к берлинскому философу Фридриху Паульсену: «Знакомы ли Вы с Г. Зиммелем? Я получил его книгу «О социальной дифференциации» для рецензии в «Ежегодник по национальной экономике и статистике», каковую я немедля и написал. Книга талантливая, но явно вышла из кабинета горожанина» [17, S. 290].

⁷ О попытке провести различие между теорией гражданского общества и теорией массового общества на основании категориальных различий между «городом» и

Но если концепция Зиммеля была действительно так тесно связана с реальностью, то отсюда следует, что без этой реальности исчезает и всякая основа для его идей. В этом, по-моему, состоит ограниченность его подхода. Ведь Зиммель стремился сделать предметом своей социологии не что иное, как форму. А форма — это взаимодействие, имеющее, по словам Пауля Фогеля, «вневременную значимость» [21, S. 71], такое динамическое взаимоотношение людей, которое, поскольку они продолжают жить социальной жизнью, вечно и непрерывно существует в изменчивой реальности. А это ставит перед нами вопросы уже совсем другого рода.

Проблема формы

Выше отмечалось, что социологию Зиммеля часто считали далекой от исторической реальности. Поэтому для меня своего рода толчком к изучению его социологии было стремление показать, что правильно как раз обратное. Но в некотором смысле утверждение о неисторичности формальной социологии все-таки верно. Часть вины за это лежит на самом Зиммеле. Хотя в упомянутой небольшой статье «Проблема социологии» Зиммель писал, что в исторической реальности форма неотделима от содержания и что форма возникает на основе содержания, которое, однако, не может существовать без формы, он все же попытался сделать предметом социологии только форму. Обосновывал Зиммель это (возможно, под влиянием Канта)⁸ тем, что в науке можно исследовать форму отдельно от содержания [5, S. 56; 22, S. 19—21]. Получается, что форма должна быть внеисторической абстракцией, причем, даже если кажется, что она абстрагирована из социальной реальности, в действительности все дело только в субъективной точке зрения отдельного индивида.

По-моему, корень проблемы в том, что Зиммель, выстраивая свою теорию, прежде всего имел в виду форму и содержание как *категории познания*. Именно поэтому ему представлялось возможным проводить различие между ними и делать предметом социологии только форму. В результате его критиковали за неисторичность. О форме и содержании как категориях познания Зиммель, насколько мне известно, говорит в двух книгах. Так, в ранней работе «Введение в науку о морали», тесно связанной с его социологией, Зиммель пишет: «Категория содержания и формы — одна из самых относительных и субъективных во всей области мышления. Что в одном отношении форма, в другом — содержание, и при ближайшем рассмотрении понятийная противоположность между ними часто разрешается в противоположность более общей и более частной определенности» [23, 2, S. 492].

«большим городом» см. [18, pp. 56—58], а также [19, p. 10—32]. Д. Фризби считает «урбанистический контекст центральным для зиммелевского понимания современности» [20, p. 71].

⁸ Делая форму, отдельно от содержания, предметом своей социологии, Зиммель, возможно, имел в виду, с одной стороны, эпистемологическую предпосылку Канта, согласно которой познающий субъект не действует сообразно вещам, но производит их а priori, а с другой стороны — идею категорического императива, согласно которой содержание поступка (его мотивы и цель, что соответствует содержанию в социологии Зиммеля) должно быть исключено как воздействующее на нашу волю. Ценностно-рациональное действие в социологии Вебера тоже очень походит на поведение согласно категорическому императиву.

В основном, в том же смысле он рассуждает и в своей «Социологии»: «Форма и содержание суть всегда понятия относительные, это категории познания, предназначенные для овладения явлениями и их интеллектуальной организации, так что одно и то же в одном отношении — если посмотреть как бы сверху — выступает в качестве формы, а в другом — если посмотреть как бы снизу — должно быть названо содержанием» [22, S. 492].

Мы видим, что форма как категория познания, используемая Зиммелем в социологии, не определяет специфического и конкретного содержания и не определяется им. Познающий субъект может поменять форму и содержание местами, в зависимости от того, что является более общим, а что более частным⁹. Не будет преувеличением сказать, что если вневременная форма может быть содержанием, то это содержание тоже становится вневременным, даже если оно порождает форму. А раз так, то анализ социальных феноменов на основе категорий формы и содержания находит свое завершение в подходе, уже не укорененном в социально-исторической реальности, а, следовательно, не только эпистемологическая, но и социологическая форма тоже полностью отделяется от содержания. Вот почему формы в социологии Зиммеля имеют тенденцию к тому, чтобы стать нереальными и неисторическими¹⁰.

Однако не все формы в социологии Зиммеля нереальны. Если только какие-либо социологические формы осуществляются как отношения между людьми, то становятся независимыми от данных содержаний, и люди соотносятся между собой при посредстве этих форм. Последние, таким образом, отличны от нереальных абстракций, произвольно создаваемых познающим субъектом, поскольку независимыми от данных содержаний они становятся в социальной реальности. В этом смысле их можно без большой натяжки сравнить с «социальными фактами», которые Дюркгейм сделал предметом своей социологии¹¹. Если смотреть с этой точки зрения, то социологию Зиммеля совсем не обязательно

⁹ Именно Дюркгейм весьма язвительно и критически высказывался по этому поводу. Он рассматривал форму и содержание в социологии Зиммеля не как две различные реальности социальной жизни, а как факты одной и той же природы, которые разнятся лишь по «степени универсальности», в том смысле, что форма более универсальна, а содержание есть нечто особенное. Это «особенное», таким образом, отличается от того «особенного», каким для Дюркгейма были «социальные факты», предмет его социологии [24, p. 183—185; 25, p. 482].

¹⁰ Об идеологической функции, которую пришлось выполнять японской социальной науке, включая социологию, по причине «недостатка историчности» см. [26, p. 210—224]. Применительно к экономической науке см. [27, p. 103—106].

¹¹ Но Дюркгейм и Зиммель резко различаются в том, прекращает ли при этом жизнь быть сама собой или нет. Если у Зиммеля жизнь кристаллизуется, перестает быть собой и порождает форму с ее собственной имманентной логикой, то у Дюркгейма она кристаллизуется и порождает форму, не переставая быть собой [28, p. 44—45]. Собственно, у Зиммеля жизнь и форма имеют разную природу, а у Дюркгейма — одну и ту же. По существу, Дюркгейм рассматривает «социальный факт» как «более или менее кристаллизованную жизнь» [29, p. 323—324] или «структуру» как «жизнь, достигшую определенной степени уплотнения» [24, p. 22]. Поэтому форма у Дюркгейма не находится в конфликте с жизнью. Может быть, именно поэтому Дюркгейм не объясняет в своей социологии, как предотвратить затвердевание формы, в то время как Зиммель рассматривает такую возможность.

характеризовать как полностью оторванную от реальности. Я бы хотел в этой связи привлечь внимание к тому, что для Зиммеля, например, важна не столько надындивидуальная организация как форма, сколько форма межличностного взаимодействия, микрокосма интеракции, на которой только и держится организация, сама по себе лишенная всякого содержания¹². А из того, какое значение Зиммель придает этому микрокосму интеракции, можно сделать некоторые выводы о практическом аспекте нашего участия в объективных структурах, о том, как и какого рода проблемы мы должны решать¹³.

Немаловажно и то, что исследование одной формы в отрыве от содержания никогда не удовлетворяло самого Зиммеля. Скажем, хотя в статье «Проблема социологии» сам текст не располагал к рассуждениям, как содержание влияет на форму, Зиммель не поленился сделать такое специальное примечание: «Если, например, исследуется образование аристократий, то помимо процессов разделения первоначально гомогенных масс, сплочения тех, кто поднялся выше, в классовое единство и их противодействия как высшим инстанциям личной власти, так и находящимся в самом низу массам, — помимо всего этого следует выявлять, во-первых, материальные интересы, которые вообще вызывали эти процессы, а во-вторых, определять те модификации, которые они претерпевали на различных ступенях производства и с учетом того, что в разные эпохи господствовали разные идеи» [5, S. 57].

Таким образом, Зиммель, обосновав социологию как науку о формах, не смог обойтись без обращения к содержанию. Насколько мне известно, никто не подверг критике этот пассаж, кроме Дюркгейма, который соревновался с Зиммелем за инициативу в обосновании социологии как независимой дисциплины. Согласно Дюркгейму, попытка Зиммеля включить в анализ также и содержание приводит к размыванию границ социологии, и почти все содержания рассматриваются тогда как предмет этой науки¹⁴.

Дюркгейм во многом прав, но мы все-таки должны в полной мере оценить это обстоятельство: Зиммель ограничивает социологию исследованием формы и одновременно включает в рассмотрение содержание. Мне кажется, его социология позволяет открыть дорогу четкому анализу социальных феноменов на основе взаимоотношений формы и содержания. С этой точки зрения, теперь следовало бы вместо обращения к одному аспекту идей Зиммеля попытаться дать

¹² В этом смысле социология Зиммеля тесно связана с его философией жизни. См. [30, p. 128—129; 31, p. 212; 32, p. 32ff.; 33, p. 146—168].

¹³ См. [34, p. 221—225]. Мне представляется, что данные, позволяющие нам судить о том, можно ли доверять некоторому лицу или нет, обнаруживаются в интеракции в пределах нашего поля зрения. В этих интеракциях человек часто бывает склонен завершать все критикой по отношению к другим. Самокритика, в том смысле, как это понимает Тосака, один из крупнейших японских философов, не выступает здесь опосредующим звеном. Следует жить, учась. Согласно Тосаке, мы не можем критиковать что-либо (теорию или личность), если видим это лишь извне, т. е. не можем инкорпорировать в наше собственное *Я*, наш внутренний мир. Иными словами, критиковать — значит не отвергнуть, но принять в наше *Я*. Критика в собственном смысле есть всегда критика себя. Эта идея была разработана, видимо, под влиянием Канта. См. [35, p. 34—39].

¹⁴ См. [25, p. 483]. Вообще социологии Зиммеля не повезло во Франции. До сих пор кое-кто поддерживает критику Дюркгеймом Зиммеля. См., например [36, p. 37—38]. Но дело, кажется, сильно меняется к лучшему. В этом отношении очень показательны работы Ж. Фройнда [37, p. 7—78] и М. Маффезоли [38, p. 22—24].

синтетическую картину, включая философию, теории культуры и искусства и т. п.¹⁵. Однако это выходит за рамки данной работы.

Я хочу привести лишь два характерных примера из области социологии: статью 1898 г. «Самосохранение социальной группы» и доклад 1910 г. «Социология общительности». В первой из названных работ Зиммель вводит понятие «бюрократический схематизм» и сопоставляет его со схематизмом логическим: «Можно было бы <..> сравнить бюрократический схематизм с логическим. Последний так же относится к познанию действительности, как первый к государственному управлению: это инструмент и форма, конечно, в органической связи с *содержаниями*, которым она призвана дать отчетливый образ, однако же в которых заключается весь ее смысл и цель. Но если логика заявляет себя в качестве самостоятельного познания и, независимо от реального содержания, одной только формой которого является, притязает на выстраивание завершеного в себе знания, то она констатирует для себя (целый) мир, который обычно находится в резком противоречии с реальным миром. Логические формы, абстрагированные в особую науку, суть только орган тотального познания вещей; но коль скоро логика вместо этой роли ищет полной самодостаточности и считает себя не средством, но завершением познания, то она столь же препятствует сохранению, увеличению и единству всего познания, как бюрократический схематизм при определенных обстоятельствах может выступить помехой для совокупности интересов группы» [42, S. 346].

Если в этом рассуждении мы заменим логику социологией, то окажется, что представленная здесь точка зрения несовместима со сформулированными Зиммелем принципами формальной социологии. Однако эта точка зрения — тоже лишь один из аспектов его социологии. Мы сталкиваемся с ней, когда Зиммелю не приходится непосредственно доказывать возможность существования своей социологии именно как формальной¹⁶. В другом месте цитированной выше статьи он исследует соотношение между чувством самосохранения и формой существования социальной группы. Зиммель предполагает, что такое чувство (содержание, в терминах его социологии) изначально присуще группе, и с этой точки зрения анализирует, чем более всего озабочено крестьянство, какие социальные формы лучше подходят для него, если в обществе это — самая крупная группа [42, S. 354, 360]. А в лекции по социологии общительности Зиммель говорит, что сама природа общительности заставляет исключать действительность из реальных взаимоотношений людей. Общение как таковое творит как бы собственное воздушное царство по формальным законам таких отношений. Но при этом источник его энергии следует искать вовсе не в саморегулирующихся формах, а в витальности конкретных индивидов, их чувствах и привязанностях, полноте влечений и убеждений [44, S. 14].

Таким образом, Зиммель учитывал содержание не только в самом

¹⁵ См., например [39, pp. 15—84]. Это была, пожалуй, первая попытка дать исчерпывающий анализ зиммелевского понятия формы. Но о категории формы в социологии Зиммеля речи здесь не идет. См., однако, с учетом этого важного аспекта [40], а из работ, относящихся к форме вообще, подборку материалов [41].

¹⁶ Вот почему, в частности, для нас столь важны книги Зиммеля «Введение в науку о морали» [23] и «Философия денег» [43].

начале, когда обосновывал социологию как науку об одних лишь формах, но и в своих позднейших исследованиях. Это свидетельствует о том, что слабость формальной социологии отчасти преодолевалась самим Зиммелем, а значит, его социология открывает возможность анализировать социальные феномены на основе соотношения их формы и содержания. Социология уже институционализировалась как наука, и нет нужды, подобно Зиммелю, делать ее предметом непременно формы.

Соотношение индивида и общества

Как уже говорилось, одной из проблем, которые ставила перед социологами на рубеже веков новая социально-экономическая реальность, стало соотношение индивида и общества. Надо было социологически объяснить, каким образом индивид мог существовать в этой новой реальности, отвечать новым требованиям жизни. В начале статьи я отмечал, что Зиммеля интересовали в первую очередь индивид, его положение в обществе, его судьба, а не социальное целое. Лишь в полной мере осознав значение этого факта, можно правильно понять специфику концепции Зиммеля.

Индивид и общество воздействуют друг на друга. Но если рассматривать изменения общества как данные условия, то получится, что сначала меняется общество, а затем мы приспосабливаемся к нему. Исследования, проведенные под таким углом зрения, есть и у Зиммеля¹⁷. Почему же он все-таки акцентировал прежде всего проблему индивида? По меньшей мере, одна из причин этого состоит в описанной выше эпохальной тенденции к функционализму. Когда Зиммель пытался доказать, что предметом его социологии могло бы стать взаимодействие индивидов, многие его современники все еще поддерживали идею социального номинализма, согласно которой общество номинально, а реально существуют только индивиды. Но тогда не было бы социологии как науки, так как не было бы предмета для нее. Вот почему Зиммель разлагал индивид на элементы. Вот почему он утверждал, что индивид — отнюдь не то абсолютное единство, о котором говорил номинализм, но единство, возникающее на основе взаимодействия его элементов, разложимых, в конце концов, на молекулы и атомы. Но тогда, по Зиммелю, и общество может существовать в том же самом смысле, т. е. возникая как единство на основе взаимодействия индивидов, понимаемых в духе социального номинализма [7, S. 126ff.]. Следствием этого является, однако, то, что зиммелевский индивид должен сам себя сделать единством,

¹⁷ Согласно Д. Левину, этот аспект социологии Зиммеля игнорировался в американской социологии [45, p. 72ff.]. То же самое в большей или меньшей степени может быть отнесено и к социологии японской. Например, Ясума Такада (1883—1972), один из японских социологов, которых, быть может, неплохо знают и в других странах, особенно в Германии, называл свою концепцию истории «третьей», или «социологической», отличая ее от «первой», или «идеалистической», и «второй», или «материалистической» концепций. Он доказывал, что «социальные взаимосвязи» детерминируют изменения в хозяйстве и все иные феномены. См. [46, p. 222—247]. В этом случае «социальные взаимосвязи» напоминают вневременные формы, заимствованные из социологии Зиммеля. Однако Такада не обратил внимания на историческое рассмотрение общества в социологии Зиммеля.

собрав воедино свои элементы. В этом — одна из причин интереса Зиммеля к индивиду, точнее, к обретению единства современным индивидом.

В первом крупном социологическом труде Зиммеля «О социальной дифференциации» это выглядит следующим образом: индивид входит во множество групп («социальных кругов») и оказывается на их скрещении. Он способен сделаться неким единством в форме индивидуальности, личности, поскольку и количество, и сочетание групп, в которые он входит, отличны от тех, в которые входят другие [7, S. 240ff.]. И во «Введении в науку о морали» Зиммель также утверждает, что современный человек может сделаться единством в форме личности скорее через конфликт тех обязательств, которые налагают на индивида разные группы, чем через гармонию этих обязательств [23, 4, S. 355ff.].

Итак, можно сказать, что в идеях Зиммеля содержатся перспективы представления человека как единства: индивидуальность и личность относятся к человеку в целом. Современный человек, как его изображает Зиммель,— это не часть целого, но целое как таковое, его нельзя свести к роли в социальной системе. А это приводит индивида к конфликту с группой или обществом, ибо группа или общество как целое стремятся заключить в себя индивида как свою часть, но индивид как целое не может довольствоваться тем, чтобы быть лишь частью целого. Стать единством в форме индивидуальности или личности человек способен лишь на пересечении групп, в некоторой мере освобождаясь от тех ограничений, которые налагают на индивида группы в современном обществе.

Конечно, можно утверждать, будто эти идеи обнаруживают в Зиммеле «чужака в академической среде»¹⁸, что это игра мысли интеллектуала, которого разделение труда избавило от непосредственного соприкосновения с производством вещей. Можно считать Зиммеля мыслителем, не сумевшим приспособиться к своему обществу. Но не предполагается ли в концепции Зиммеля возможность иного обретения индивидом целостного единства: не вне группы или общества, но внутри них? По-моему, зиммелевский индивид пытается быть совершенной противоположностью группе, предъявляющей неразумные притязания, а интерпретация социологии Зиммеля зависит от того, как мы сами живем в настоящем, как относимся к своему обществу.

Я хотел бы завершить статью, показав новый уровень постановки проблемы в «Философии денег»¹⁹. Зиммель утверждает, что

¹⁸ О Зиммеле как «чужаке в академической среде» см. [47, p. 29]. Кроме того, Козер расходится с Зиммелем в понимании характера современной эпохи. См. [48, p. 4]. Однако социология Зиммеля может оказаться весьма полезной при анализе актуальных процессов. См. об этом [49—51]. Когда Горо Моризуми исследовал сельские общины в послевоенной Японии, он часто использовал понятия социологии Зиммеля. Его цель состояла в том, чтобы покончить с замкнутым образом жизни в сельских общинах, превратив крестьян в «зиммелевских индивидов».

¹⁹ В Японии перевод «Философии денег» был сделан раньше, чем в других странах. «Аналитическая часть» книги была переведена на японский Минору Хории в 1933 г. по рекомендации Вернера Зомбарта, которому и был посвящен перевод. В 1940 г. перевод той же части сделал Шозо Собаима. Оба они были экономистами. Полный перевод был осуществлен соединенными усилиями философов и

современный человек не может сформировать свою личность. Тому, что человек производит вне себя, Зиммель дает название «объективная культура», а развитие или определенную черту субъекта, усваивающего такую культуру, называет «субъективной культурой». Однако поскольку эти культуры производятся или формируются современными людьми, включенными в социальные системы, которые основаны на разделении труда, то объективная культура все в большей мере оказывается результатом объективации труда многих поколений, а субъективная, осуществляемая через ассимиляцию объективной, наоборот, увядает. Иными словами, именно личность современного человека утрачивает единство [43, S. 510ff.]. Здесь нет перспектив для обретения единства современным человеком. Зиммель даже не пытается найти подходы для преодоления такой ситуации, ибо для него было важно «ни обвинять, ни оправдывать, но только понять» [52, S. 206].

Но как же тогда быть с критической установкой Зиммеля в «Философии денег», с его негативными оценками общества, основанного на денежном хозяйстве? Воз-можной эту критику делает в социологии Зиммеля опять-таки лишь позиция индивида, человека как целого. Не вопреки, но, скорее, благодаря тому, что Зиммель пытался мыслить функционал истеки. Это становится понятным только в связи с его дальнейшей идейной эволюцией. Через несколько лет после выхода «Философии денег», завершая свою большую «Социологию», Зиммель приходит уже не к проблеме отношения индивида и общества, а к проблеме автономности самого индивида. Он вписывает эту проблему в контекст своего спора с Кантом, в частности, с кантонским «категорическим императивом». Зиммель вырабатывает понятие «индивидуальный закон», явившееся выражением его индивидуализма. Однако это не означает, что он отрицает связь индивида с обществом. Скорее, рассматривает автономию индивида как основную проблему эпохи и, не забывая своей социологии, пытается дать философское решение этой проблемы через идею «индивидуального закона» [53, S. 93—181; 54, S. 117—160]. По существу, именно такой философский подход закладывал уже совсем новые основания для исследования вопроса об отношении индивида и общества, т. е. именно для социологии Зиммеля²⁰.

Перевод А. Ф. ФИЛИППОВА

Литература

1. Aron R. Main Currents in Sociological Thought. Vol. 2. N. Y. etc: Anchor Books, 1968. [Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993].

социологов. В 1978 г. вышла «Синтетическая часть» в переводе Тадаши Иясу, в 1981 г. — «Аналитическая часть» в переводе Кийоми Мотохама, Тадаши Иясу и Мамору Мукаи.

²⁰ Весьма примечательно, что после того, как и Зиммель, и Дюркгейм завершили работу над своими социологическими концепциями, Зиммель в 1913 г. опубликовал статью «Индивидуальный закон. Опыт о принципах этики» [54], а Дюркгейм в 1914 г. — статью «Дуализм человеческой природы и социальных условий» (55).

2. Hughes S. H. *Consciousness and Society*. Hassock, Sussex: The Harvester Press, 1979.
3. Singer K. *Die Krisis der Soziologie* / *AVeltwirtschafliches Archiv*. 1920 / 1921. Bd. XVI.
4. Born K. E. *Der soziale und wirtschaftliche Strukturwandel Deutschlands am Ende des 19. Jahrhunderts* // *Vierteljahresschrift f. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1963 / 1964. Bd. L.
5. Simmel G. *Das Problem der Soziologie* // Georg Simmel. *Gesamtausgabe*. Bd. 5 / Hrsgg. v. H.-J. Dahme und D. P. Frisby. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
6. Simmel G. *Bemerkungen zu sozialhistorischen Problemen* // *Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*. 1888. Bd. XII.
7. Simmel G. *Über soziale Differenzierung* // Georg Simmel. *Gesamtausgabe*. Bd. 2 / Hrsgg. v. H.-J. Dahme. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989.
8. Kallen H. M. *Functionalism* // *The Encyclopaedia of the Social Sciences* / Ed. by E. K. A. Seligman. Vol. 6. N. Y.: Macmillan Company, 1931.
9. Shteyn M. *Sociological Functionalism*. [Б. м., б. изд.] 1968.
10. Sakane I. *Between Science and Art*. [Б. м., б. изд.] 1986.
11. Sombari W. *Der Begriff der Stadt und das Wesen der Stadtebildung* // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. N. F. 1907. Bd. XXV.
12. Reulecke J. *Die deutsche Stadt im Industriezeitalter*. Wuppertal: Peter Hammer Verl., 1978.
13. Kottmann N. *Industrialisierung, Binnenwanderung und «Soziale Frage»* // *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1959. Bd. XLVI.
14. Iida Sh. et al. *Modern Political History in Germany*. [Б. м., б. изд.] 1966.
15. Simmel G. *Das Geld in der modernen Kultur* // Georg Simmel. *Gesamtausgabe*. Bd. 5. / Hrsgg. v. H.-J. Dahme und D. P. Frisby. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
16. Simmel G. *Auszüge aus den Lebenserinnerungen* // Boehring H., Gruender K. *Asthetik und Soziologie um die Jahrhundertwende: Georg Simmel*. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1976. S. 247—168.
17. Ferdinand Tönnies — Friedrich Paulsen. *Briefwechsel 1876—1908* / Hrsgg. v. O. Klose et al. Kiel: Ferdinand Hirt, 1961.
18. Kohtō Y. *Sociological Imagination and a Theory of Civil Society* // *Shiso*. 1986. Vol. 70.
19. Holton R. J. *Capitalism and Civilization*. London: Allen & Unwin, 1986.
20. Frisby D. P. *Fragments of Modernity: Theories of Modernity in the Work of Simmel, Krakauer and Benjamin*. Cambridge: Polity Press, 1985.
21. Vogel P. *Hegels Gesellschaftsbegriff und seine geschichtliche Fortbildung durch Lorenz Stein, Marx, Engels und Lassalle*. Leipzig: Pan-Verlag Rolf Heise, 1925.
22. Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Georg Simmel. *Gesamtausgabe*. Bd. II / Hrsgg. v. O. Rammsiedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
23. Simmel G. *Einteilung in die Moralwissenschaft*. Bde. 1—2. *Gesamtausgabe*. Bde. 3—4 / Hrsgg. v. K. Ch. Köhnke. Frankfurt a. M.:

Suhrkarap, 1989—1991.

24. Durkheim E. La sociologie et son domaine scientifique // E. Durkheim. Textes I. Paris: Minuit, 1975.

25. Durkheim E. Sociologie et sciences sociales, avec P. Fauconnet // Revue philosophique. 1903. IV.

26. Harootunian H. D. Intimations of the Postmodern: A Japanese Ideology for the Twenty First Century (Japanese translation) // Sekai. 1986. March.

27. Tsuru Sh. Can Economics be a Science? // Sekai. 1987. February.

28. Durkheim E. Les regies de la methode sociologique. 19th ed. Paris: PUF, 1977.

29. Durkheim E. De la division du travail social. 18th ed. Paris: PUF, 1978.

30. Atoji Y. Representative Sociologists — Germany. [Б. мест., б. изд.] 1954.

31. Honda K. Introduction to the History of Sociology. [Б. мест., б. изд.] 1962.

32. Sato T. Fundamental Problem of Simmers Sociology // Chuodaigakubungakubukenkyukiyo. 1983. Vol. 29.

33. Tomoda A Philosophy and the Philosophy of Life in Georg Simmel // Gendaishakaigaku. 1986. Vol. 21.

34. Kuno O. Democracy // The Postwar. 1979.

35. Tosaka J. Tosaka Jim's Collected Works. Vol. 1. [Б. мест., б. изд.] 1986.

36. Ledrut R. La Forme et le Sense dans le Societe. P.: Librairie des Meridiens, 1984.

37. Freund J. Introduction // Sociologie et epistemologie. Paris: PUF, 1981.

38. Maffesoli M. Le fornisme et l'esthetisme // Societe. 1985. Vol. 1.

39. Weingartner R. H. Experience and Culture. Middletown, Conn.: Wesleyan University Press, 1960.

40. Bevers A. M. Dynamik der Formen bei Georg Simmel. Berlin: Duncker & Humblot, 1958.

41. Werner J. Kunstform und Gesellschaftsform. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979.

42. Simmel G. Die Selbsterhaltung der sozialen Gruppe. Soziologische Studie // Georg Simmel. Gesamtausgabe. Bd. 5 / Hrsgg. v. H.-J. Dahme und D. P. Frisby. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.

43. Simmel G. Philosophie des Geldes. 7. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1977.

44. Simmel G. Soziologie der Geselligkeit // Verhandlungen des 19. [en Deutschen Soziologentages vom 19—22. Oktober 1910 in Frankfurt a.M.: The Sociology of Sociability / Trans, by E. C. Hughes // The American Journal of Sociology. 1949—1950. Vol. 55.

45. Levine D. N. Sociology's Quest for the Classics: The Case of Simmel // The Future of the Sociological Classics / ed. by Buford Rhea. London: Allen & Unwin, 1981.

46. Takada Y. Class and the Third Conception of History. (Б. мест., б. изд.] 1948.

47. Coser L. A. The Stranger in the Academy // Georg Simmel / ed. by L. A. Coser. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1965.

48. Coser L. A. Greedy Institutions. Glencoe: The Free Press, 1974.

49. Smith M. P. The City and Social Theory. N. Z.: St. Martin's Press, 1979.
50. Morizumi G. Developmental Structure of Rural Communities. [Б. мест., б. изд.] 1955.
51. Ikeda G. A Study of Domination. [Б. мест., б. изд.] 1978.
52. Simmel G. Die Großstädte und das Geistesleben // Jahrbuch der Gehe-Stiftung. Bd. 9. 1903.
53. Simmel G. Kant. Sechzehn Vorlesungen. Berlin: Duncker & Humblot, 1904.
54. Simmel G. Das Individuelle Gesetz // Simmel G. Das individuelle Gesetz. Philosophische Exkurse / Hrsgg. v. M. Landmann. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1968.
55. Durkheim E. Le dualisme de la nature humaine et ses conditions sociales // La science sociale et l'action. Paris: PUF, 1970.